

М.А. Полиевктов

НИКОЛАЙ I

Биография
и
обзор царствования

Михаил Полиевктов

**Николай I. Биография и обзор
царствования с приложением**

Православное издательство "Сатись"

1916

Полиевктов М. А.

Николай I. Биография и обзор царствования с приложением /
М. А. Полиевктов — Православное издательство "Сатись", 1916

ISBN 5-7373-0240-7

В книге известного русского историка Михаила Александровича Полиевктова исследуется период царствования Императора Николая I; развитие российского государства, его внутренняя, и внешняя политики, войны, формирование бюрократического аппарата, как главной опоры государства.

ISBN 5-7373-0240-7

© Полиевктов М. А., 1916
© Православное издательство
"Сатись", 1916

Содержание

Николай I. Биография и обзор царствования	8
Предисловие	8
Детство и годы учения Великого Князя Николая Павловича	11
Юность и женитьба (1814–1817)	17
Великий Князь Николай Павлович во вторую половину александровского царствования (1818–1825)	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Михаил Александрович Полиевктов
Николай I. Биография и обзор
царствования с приложением

© М.А. Полиевктов 1918

© Изд-во «Сатисъ» 2003

* * *

Император Николай I

В основу настоящей книги легли два различных текста: составленная автором для Биографического словаря Императорского Русского Исторического общества биография императора Николая I и курс, посвященный обзору николаевской эпохи, читанный им на Петроградских Высших женских курсах и застенографированный. Курс помог автору установить его основные точки зрения на николаевское царствование и определил построение книги; биография дала фактическое содержание. Курс был рассчитан на два года. В первый год удалось сделать лишь обзор правительственной деятельности; второй год предполагалось посвятить обществу и течениям общественной мысли в николаевское царствование. Изменение в учебном плане преподавания русской истории на курсах помешало выполнить в целом намеченную программу. Это заставляет автора отказаться на время от мысли – дать обзор николаевской эпохи, и ограничиться на первых порах более скромной задачей – биографией и обзором царствования императора Николая I.

Под Москвой в Петровском-Разумовском, май 1916

Николай I. Биография и обзор царствования

Предисловие

Царствование императора Николая I – определенная эпоха в русской истории, эпоха прежде всего в истории абсолютной монархии в России. С середины XVII века московское государство начинает приближаться к тому типу абсолютной монархии, который сложился к этому времени и на Западе, а со времени Петра Великого и в течение всего XVIII века окончательно облекается в формы западно-европейского полицейского государства. Этот процесс заканчивается к началу XIX века, когда, после реформы центральных учреждений в царствование Александра I, в России устанавливается бюрократическая система управления. Окончательное завершение этого процесса и относится ко времени царствования императора Николая I.

Каждая форма государственного устройства обладает известной долей политической косности: возникнув в свое время в силу реальных потребностей данного исторического момента, она постепенно принимает традиционный характер и, как таковая, отстает от вновь слагающихся экономических, социальных и интеллектуальных условий. В свое время прогресс политической эволюции, полицейское государство в чистом виде к началу XIX века не покрывало уже собой усложнившихся к этому времени форм общественной жизни. На этой почве в течение всего XVIII и начала XIX вв. слагаются различные политические течения, ставящие себе задачей смягчение чистых форм абсолютизма, течения, временами и чем дальше, тем сильнее уклоняющиеся в сторону политического конституционализма. Сама эволюция форм абсолютной монархии в направлении к большей закономерности тем самым создавала почву для роста конституционных идей. Таково значение на русской почве петровской коллегиальной системы, попытки верховников в 1730 году начал, возведенных в «Наказе» императрицы Екатерины II, политической программы Сперанского и, наконец, того движения, которое охватило некоторую часть русского общества в исходе царствования Александра I. В силу целого ряда условий это последнее движение пришло, как известно, в резкое столкновение с существующим политическим строем в момент вступления на престол императора Николая I, и из этого столкновения абсолютная монархия вышла победительницей. Царствование императора Николая I и имеет прежде всего исторический интерес, как такой период в истории абсолютной монархии в России, когда эта политическая форма стала боевым лозунгом, торжествующим свою победу, и из простого исторического факта окончательно превратилась в санкционированный политический принцип.

Провозглашенный как принцип, политический абсолютизм никогда, ни до ни после этого царствования, за исключением, пожалуй, эпохи Петра Великого, не проводился и так последовательно, как при Николае I. Жизнь в течение XVIII и начала XIX веков выдвинула целый ряд крупных очередных задач, остававшихся к моменту вступления на престол императора Николая неразрешенными. Провозгласив принцип всесторонней государственной опеки, николаевское правительство попыталось взять в свои руки разрешение всех этих задач, но в это разрешение неуклонно вносило всегда одну и ту же политическую окраску. В области внешней политики перед Россией начала XIX века раскрывались две основные задачи: привести в ясность русско-польские отношения и закрепить за собой то благоприятное положение на Востоке, которое начало к этому времени там для нее складываться. Польский вопрос разрешался николаевским правительством исключительно в смысле отрицания за польской национальностью прав на политическое самоопределение и полного подчинения Польши России, подобно тому как в самой империи каждый гражданин находился в абсолютном подчинении

у государственной власти. В восточном вопросе покровительство христианским народностям Востока не мыслилось иначе как в форме безраздельного вмешательства в их внутреннюю жизнь русской государственной власти в видах охранения у этих народностей патриархального уклада; на другом форпосте русской восточной политики, в Закавказье, задачи государственной власти понимались, главным образом, в смысле насаждения на этой окраине общеимперского бюрократического строя. В области внутренней политики основными задачами были: разрешение финансового кризиса и поднятие производительных сил страны, устранение тех сословных противоречий, которые создавались на почве крепостного права, введение в общую систему государственного управления такого мощного фактора, как народное образование, до этого времени остававшееся в промежуточном состоянии. В области финансовой и экономической политики в деятельности Канкриня николаевское царствование дает нам яркий образец протекционизма, экономической системы, выросшей в атмосфере полицейского государства. Крепостной вопрос разрешается в духе ослабления личной крепостной зависимости крестьянина от помещика, как противоречащей принципу государственности, но в то же время и в духе сохранения над личностью крестьянина известной опеки. Народное образование складывается в определенную систему с последовательно проводимым принципом самого строгого правительственного надзора, и главной задачей народного просвещения провозглашается воспитание умов в правительственном духе. Само государственное управление в николаевское царствование развивается в сторону дальнейшей бюрократизации: проведенный в сфере высшего управления принцип бюрократической централизации распространяется теперь на органы местного управления. Начало XIX в. поставило русскому государству и еще одну, новую для него, проблему: русский государственный организм осложнился к этому времени рядом областей, живших своим историческим прошлым – Финляндии, Польши, Бессарабии, Грузии. Стал на очередь окраинный вопрос. Не ставя этот вопрос в целом, николаевская правительственная система в отдельных случаях последовательно проводит на окраинах обрусительную политику. Николаевское царствование не только провозгласило принцип абсолютизма, но и формулировало последовательную систему абсолютно-монархического управления. И как сам по себе этот принцип к данному времени стал консервативным началом, так и николаевская правительственная система стала как бы формулой консервативной бюрократической программы.

В пределах очерченных им политических рамок императору Николаю I удалось во всяком случае кое-что сделать. Николаевское царствование далеко не пустое место в истории русского правительства, и нет ничего более неисторичного, как рассматривать всю правительственную деятельность этого царствования под углом зрения «краха николаевской системы». Наследие николаевского царствования далеко не сводилось к одним язвам бюрократического режима; это была эпоха и многих действительно положительных достижений. Все эти достижения не служат, конечно, доказательством жизнеспособности самой николаевской правительственной системы в ее основаниях. Эта система сама по себе для данного времени была уже изжитым прошлым, и в этом таились корни ее разложения, того, действительно, краха, который раскрывается во всей полноте главным образом во вторую половину николаевского царствования. Отдельные положительные достижения этого царствования, быть может, лишь ускорили этот процесс разложения. В эпоху Петра Великого абсолютизм и полицейская система управления были творческим началом; в николаевское царствование они стали уже устаревшим оружием. Победа абсолютизма, николаевское царствование было, в сущности говоря, в то же время последней эпохой в истории русской абсолютной монархии. Определяя николаевское царствование как известный момент в истории русской абсолютной монархии, мы не получаем еще полного определения «николаевской эпохи». Русское общество жило в это царствование своей особой от правительства и по своему очень полной жизнью. Оно пережило за это время большой период и своего экономического и социального роста и усложнения,

и своего духовного созревания. И только из совокупного рассмотрения и правительственной деятельности, и общественной жизни за данное время складывается полная картина николаевской эпохи. Данное выше определение представляется, однако, достаточным, поскольку мы ограничиваемся обзором николаевского царствования в собственном смысле этого слова, т.е. обзором правительственной деятельности в это царствование. Зато из такого обзора не может быть исключена личная биография императора Николая I. Никогда и нигде абсолютная монархия не была так далека от известного положения «государь царствует, но не управляет», как при нем, в его царствование. Недостаточно сказать, что в николаевское царствование управление принимает личный характер. Абсолютная монархия при Николае I воплощается в его личности. Само свое бытие на троне Николай понимает прежде всего как осуществление определенного принципа. Правительствуя и являясь представителем своей страны, в минуты гнева и милости, снисходя до шуток и детских забав с воспитанниками кадетских корпусов, Николай I никогда не упускает случая дать почувствовать сан государя. Правительственная система в николаевское царствование и биография императора Николая I – две стороны одного и того же исторического явления. А в то же время, углубляясь в эту биографию в ее повседневных проявлениях, мы извлекаем из нее много ценного для понимания отдельных моментов этого царствования. Жизнь государя Николая Павловича уясняет нам многое в правительственной деятельности императора Николая I.

Детство и годы учения Великого Князя Николая Павловича

Третий сын цесаревича Павла Петровича, великий князь Николай Павлович родился в последний год царствования императрицы Екатерины II, 25 июня 1796 года. Первое время после своего рождения Николай Павлович, как в свое время и его старшие братья Александр и Константин, был взят на попечение самой императрицей¹.

Имевшая обыкновение лично присутствовать при рождении своих внуков, императрица на этот раз прибыла в покои, занимаемые великой княгиней в Большом Царском-Сельском дворце, лишь после того, как эта последняя разрешилась от бремени. С самого своего рождения Николай Павлович поражал своим большим ростом (14 верш.) и прекрасным здоровьем. 6-го июля 1796 г. состоялся обряд крещения; восприемниками были великий князь Александр Павлович и великая княжна Александра Павловна, заступавшая у купели место императрицы Екатерины. Обряд крещения совершал духовник императрицы протоиерей Савва Исаев. 7 ноября т.г. Николай Павлович был назначен шефом лейб-гвардии Конного полка и первому батальону этого полка присвоено было его имя. В этот же день был назначен штат новорожденного великого князя, который постепенно составил из следующих лиц: статс-дама Шарлотта Карловна Ливен, три дамы-гувернантки – Юлия Федоровна Адлерберг, Е. Синицина и Е. Панаева; няня – англичанка Евгения Васильевна Лайон, кормилица – красносельская крестьянка Евфросинья Ершова, две камер-юнгферы – Ольга Никитина и Аграфена Черкасова, две камер-медхен – Пелагея Винокурова и Мария Перьякова и два камердинера – Андрей Валуев и Борис Томасон. Кроме того, при великом князе состояли: лейб-медик доктор Бек, аптекарь Ганеман и зубной врач Эбелинг.

Воспитание великого князя Николая протекало всецело в тесном домашнем кругу царского семейства, в обстановке гатчинской придворной жизни, со всеми теми характерными особенностями, какие эта жизнь приняла в царствование императора Павла. Сам Павел Петрович питал к своим младшим детям теплое искреннее чувство и влагал в свои отношения к ним и к их воспитателям много непринужденности. У великих князей Николая и Михаила Павловичей в их раннем детстве установились доверчивые отношения к их отцу. Николай Павлович особенно пользовался его любовью и сам был очень к нему привязан. Наоборот, в отношениях императрицы Марии Феодоровны к ее младшим детям преобладал официальный тон. Не обладавшая большой сердечностью, императрица Мария Феодоровна подчинила воспитание своих младших детей, особенно вначале, строгому этикету, была с ними суха и холодна и редко выходила из пределов известного церемониала: по заведенному императрицей порядку младшие великие князья и княжны лишь в течение немногих часов в день видели своих родителей. У Николая Павловича в его отношениях к матери первоначально преобладало чувство уважения, лишь позднее уступившее место более теплоте.

Первоначальное воспитание Николая Павловича было доверено, главным образом, двум лицам: статс-даме Шарлотте Карловне Ливен и англичанке мисс Лайон. Обе они были назначены еще самой императрицей Екатериной, но сумели снискать расположение и ее невестки. Ливен скоро стала личным другом Марии Феодоровны, что в данном случае имело немалое значение ввиду тех натянутых отношений, какие существовали между императрицей и вели-

¹ Но уже 6 ноября того же года императрица скончалась, и заботы о его воспитании перешли непосредственно к его родителям. После кончины императора Павла императрица Мария Феодоровна официально передала воспитание своих младших сыновей – Николая и родившегося в 1798 году Михаила – в ведение вступившего на престол своего старшего сына. Император Александр Павлович, однако, подтвердив распоряжения, какие были сделаны на этот счет его покойным отцом, далее почти совершенно не вмешивался в это дело, и фактические заботы о воспитании младших великих князей по-прежнему продолжали лежать на императрице-матери.

кокняжеской четой. Курляндская уроженка, рожденная баронесса Гаугребен, г-жа Ливен как нельзя более пришлась по душе Марии Феодоровне. Обе они вносили в дело воспитания известную чисто немецкую аккуратность, чисто немецкую сдержанность и некоторую узость педагогических взглядов. Как человек, Ливен отличалась, по-видимому, большей сердечностью, и, быть может, под ее влиянием развилась у Николая большая любовь к уюту, к частной жизни, к семейному очагу, что впоследствии постоянно так сильно выдвигалось у него на первый план. С раннего детства в нем стал складываться человек частной жизни, подготовлялся семьянин. Позднее и к вопросам государственного характера он зачастую подходил с меркой частной жизни, а такая мерка, в свою очередь, вполне совпадала с известной узостью его взглядов, стремлением все свести к элементарным основаниям, не усложнять чересчур разрешения вопросов. Особенно сильное влияние на развитие характера Николая Павловича оказала его няня, шотландская уроженка мисс Лайон (Jane Lyon; впоследствии по мужу Вячеслова). Прямая, смелая и решительная, мисс Лайон нередко брала на себя идти вразрез с данными ей инструкциями и даже отваживалась иногда противоречить императрице Марии Феодоровне, на что решались очень немногие. Помимо воспитания характера, мисс Лайон привила своему питомцу и определенные симпатии и антипатии. До приглашения ее к великому князю она служила в семействе Чичериных. С ними ей пришлось быть в 1794 г. в Варшаве во время вспыхнувшего там восстания против русских. Николай Павлович часто слышал от мисс Лайон о пережитых ею в это время страшных сценах и унаследовал от нее на всю жизнь неприязненное чувство к полякам и евреям. Позднее на почве этого чувства развились определенные политические принципы.

Из других воспитательниц великого князя можно отметить еще Ю.Ф. Адлерберг (урожденную Багговут). Она была назначена уже после смерти императрицы Екатерины, в 1797 г., по рекомендации доверенного секретаря императора Павла барона Николая. Адлерберг оставалась в должности гувернантки великих князей Николая и Михаила Павловичей до 1802 г., когда была назначена начальницей Смольного института. Ее сын, граф Владимир Федорович, скоро стал товарищем детства великого князя.

С 1800 г. воспитание Николая Павловича перешло в мужские руки. Есть известие, что первоначально заходила речь о назначении его воспитателем гр. Сем. Ром. Воронцова, бывшего в то время посланником в Англии; император Павел был против этого назначения, так как не доверял Воронцову, зная его англоманство. Выбор императора пал на генерала Матвея Ивановича Ламздорфа, незадолго до этого назначенного директором сухопутного кадетского корпуса (нынешний Первый в Петрограде). По общему отзыву, Ламздорф, не отличаясь широким образованием, не отличался и педагогическими способностями, обращался со своим воспитанником не только сурово, но и жестоко и ставил своей главной целью переломить его на свой лад. Жестокая и грубая педагогика Ламздорфа столкнулась, однако, в данном случае с очень неподатливым элементом – упрямым и резким характером подрастающего великого князя, что вряд ли могло принести благие результаты. Одновременно с назначением Ламздорфа к великому князю были приставлены «кавалеры»: генерал-майор Н.И. Ахвердов и полковники П.И. Арсеньев и П.П. Ушаков, вносявшие в воспитание более кроткие меры и имевшие (особенно Ахвердов) больше влияния на своего воспитанника².

Первоначальное образование Николая Павловича носило довольно случайный характер. Те лица, в чьих руках сосредоточивалось воспитание Николая Павловича, были отчасти и его первыми учителями. Так, первым молитвам (по-русски) его обучила мисс Лайон; только с 1803 г. уроки Закона Божьего стал давать ему его духовник Павел Криницкий. Русским языком

² С 1805 г. штат кавалеров был увеличен до шести и вновь назначены были: действительный статский советник П.Г. Дивов, коллежский советник Вольф и майор А.П. Алединский; в 1808 г. был прибавлен седьмой – статский советник И.Ф. Саврасов, а в 1811 г. и восьмой – коллежский советник Г.А. Глинка.

занимался с великим князем очередной кавалер. Ахвердов давал, кроме того, уроки русской истории и географии, а с 1804 г. обучал арифметике и сообщал первые сведения по артиллерийскому и инженерному искусству. Первые уроки французского языка давала сама императрица Мария Феодоровна; в 1802 г. на эти уроки был приглашен эмигрант француз дю-Пюже (du Puget), преподававший также всеобщую историю и всеобщую географию, а также и чистописание. Немецкому языку (а позднее, с 1813 г., также латинскому и греческому) обучал Аделунг, известный историк и археолог. Уроки английского языка, начавшего входить в моду после свержения Наполеона, Николай Павлович начал брать с июля 1813 г. у Седжерса. Уроки музыки, которую вначале очень не любил Николай Павлович, давал с 1804 г. Теппер. Рисование, любимое искусство Николая Павловича, преподавал сначала (с 1804 г.) проф. Акимов, а с 1810 г. проф. Шебуев. Танцам обучали Лепик и Юар (Huard), верховой езде – берейтор Эггер и фехтованию (с 1809 г.) – Сивербрюк.

С 1809 г. возникает мысль заменить первоначальное преподавание более серьезным систематическим курсом, который приближался бы к университетскому типу. Помимо общих соображений, здесь играло роль стремление императрицы Марии Феодоровны ослабить чрезмерное увлечение играми военного характера и вообще военными занятиями, естественно развивавшееся в младших великих князьях в условиях тогдашней придворной жизни, и оживить в них мало развитый интерес к наукам. Одно время предполагалось даже отправить великих князей Николая и Михаила Павловичей слушать лекции в Лейпцигский университет, но эта мысль не встретила сочувствия у императора Александра Павловича. Вместо этого он находил возможным, чтобы его младшие братья посещали лекции в учреждаемом в то время Царско-сельском лицее. Последовавшие вскоре за этим события 1812 г., однако, и этому послужили помехой. Все ограничилось лишь тем, что занятия великого князя как в классах, так и во внеклассное время приняли систематический характер, были начаты высшие науки и сверх лиц, уже преподававших, было приглашено несколько профессоров. Сравнительно широко было обставлено преподавание политических наук. С 1809 г. Аделунг начал свои лекции по логике и морали; и с 1810 г. – проф. Шторх свой курс политических наук. Этот курс подразделялся на науку общежительную, куда входили философия истории, государственное и народное право и политическая экономия, и правительственную, куда входили теория правительственных форм и политика; последняя обнимала учения о законодательстве, администрации, суде, полиции, военном управлении, государственном хозяйстве, народном просвещении и духовном управлении. Наряду со Шторхом следует упомянуть проф. Кукольника, читавшего великому князю естественное право, и известного юриста того времени, чье имя ставят иногда наряду со Сперанским, проф. Балугьянского, читавшего ему энциклопедию и историю права, а несколько позднее, в 1815 и 1816 гг., науку о финансах. Сравнительно с такой постановкой преподавания политических наук приходится отметить крайне слабую постановку исторического образования. Изучение русской истории не пошло дальше элементарных уроков Ахвердова, оборвавшихся к тому же в 1816 г. на эпохе Иоанна Грозного и смуты, а изучение всеобщей – дальше уроков дю-Пюже. Наоборот, на преподавание точных наук и военного искусства было обращено, по-видимому, гораздо больше внимания. Первоначальное преподавание алгебры, геометрии, физики и инженерного искусства было поручено известному ученому, профессору и академику Крафту³.

С конца 1808 г. Крафт начал свой курс высшей математики и опытной и теоретической физики, куда были включены также сведения по механике, технологии, фортификации и артиллерии. С конца 1809 г., по предложению Крафта, было решено выделить и поставить более систематично преподавание военных наук. Организацией преподавания этих наук заинтересовался сам государь Александр Павлович – почти единственный случай его вмеша-

³ В 1813 г. в помощники Крафту, главным образом по производству опытов, был приглашен проф. Н.И. Вольгемут.

тельства в воспитание его младших братьев. Выработать программу и вести преподавание военных наук было поручено инженерному генералу К.И. Опперману, который предложил в свои помощники полковника артиллерии А.И. Марковича и полковника-лейтенанта Джанотти. Опперман и Джанотти являлись видными силами в области военной техники; благодаря их преподаванию молодой великий князь, всей окружающей его атмосферой все более и более увлекаемый на путь военной выправки, посвятил в свое время немало часов изучению более насущных вопросов военного искусства. Под влиянием Оппермана, с именем которого мы встретимся еще ниже, военно-инженерное искусство стало любимым делом Николая Павловича; из него выработался на всю жизнь хороший военный инженер. На уроках Джанотти, отличавшихся большой серьезностью, а также Марковича Николай Павлович ознакомился с началами стратегии. Уроки сводились к чтению и разбору различных сочинений об отдельных кампаниях (между прочим, Жиро и Ллойда – о последних кампаниях 1814 и 1815 гг.), а также к разбору самостоятельных проектов, темы которых носили иногда довольно злободневный характер. Так, в начале 1815 г. Николай Павлович давал отчет Опперману о составленном им «Трактате о войне против соединенных сил Пруссии и Польши» и около этого же времени разбирали с Джанотти проект «Об изгнании турок из Европы при известных данных условиях».

Вообще, надо заметить, что общераспространенное мнение, будто бы великий князь Николай Павлович получил гораздо более скудное и одностороннее образование, чем его старшие братья, следует принимать с большими оговорками. Трудно даже ответить определенно, воспитывали ли его как простого великого князя или уже теперь принимали в расчет его предназначение? Программа курса профессора Шторха заставляет предполагать последнее. Рассматривая в целом программу образования великого князя, нельзя не признать, что перед нами программа, в которой политические науки занимают видное место. Правда, наряду с этим видное место занимают и науки военные. Надо, однако, помнить, что в глазах самого императора Александра военное дело получает к этому времени все большее и большее значение в общей системе государственного управления. К началу XIX в. государственное управление сравнительно с восьмидесятью годами XVIII в. милитаризируется, и это не могло не отразиться и на системе воспитания лиц императорской фамилии. Новое поколение великих князей, к которому принадлежал Николай Павлович, проходило иную школу, чем его старший брат, школу, на которой сказалось влияние не столько века политических мыслителей, сколько века воинских потрясений наполеоновской эпохи. В глазах самого императора Александра, однако, это и была теперь та школа, которую должен был пройти будущий правитель государства. Образование великого князя Николая Павловича не было скудно, но его учителя, при всей своей эрудиции, зачастую оказывались плохими преподавателями, и это прежде всего относится к его преподавателям политических наук. Отдавая должное учености Шторха, Кукольника и Балугьянского, Николай Павлович сам отзывался впоследствии об их лекциях как о чересчур отвлеченных и сухих. Среди остальных учителей, по-видимому, лишь Опперман и Джанотти выделялись талантом и живостью преподавания. Идеи Шторха могли оказать влияние на великого князя лишь позднее, в более зрелом возрасте. В данный момент военное дело должно было стать его любимым занятием. Систематическое обучение великого князя к тому же окончилось довольно рано – к середине 1813 г. Императрица Мария Феодоровна не прочь была его несколько продолжить; современные политические события с этого времени все более и более начинают нарушать правильный ход занятий. Занятия почти совершенно прерывались в 1814 и в начале 1815 г. С 1815 г. и в течение 1816 г. читались лишь некоторые курсы.

Сохранилось довольно много данных, рисующих ту обстановку, в какой протекли детские и юношеские годы Николая Павловича, те отношения, какие сложились у него к его окружающим, а также его собственный характер, его вкусы и наклонности. Выше было сказано о его отношениях к отцу и матери. Его старшие братья выросли под влиянием тяжелых отношений между их отцом и бабкой. Родившись в последний год царствования Екатерины, Николай

не мог, конечно, сознательно воспринимать эту семейную драму. Память о покойной императрице оставалась, однако, тяжелым воспоминанием в царской семье, и отсюда – то неприязненное отношение к бабке, которое Николай Павлович унаследовал, очевидно, от своих родителей и которое сохранилось у него до конца его жизни. Детство самого великого князя протекло под влиянием гнетущих воспоминаний об обстоятельствах вступления на престол его старшего брата, в той тяжелой атмосфере, которая создалась во дворце после 11 марта 1801 года. Пятилетним ребенком Николай был свидетелем тех тягостных сцен, которые разыгрались тогда во дворце. Затем последовали первые годы царствования Александра, обрисовывавшиеся перед младшим поколением великих князей опять-таки, конечно, не как время широких преобразований, но как годы тяжелого семейного разлада, прежде всего между государем и императрицей-матерью, когда Александр, как бы отлученный в своем собственном семействе, встречал глухую оппозицию всем своим начинаниям среди своих близких. Разница в годах между Николаем Павловичем и его старшими братьями и сестрами была слишком велика для того, чтобы в юном возрасте у него могла установиться с ними настоящая близость. Строгостью установленного Марией Феодоровной этикета объясняется почти полное отсутствие у Николая Павловича в его детстве товарищей в играх и занятиях⁴.

Все его детство протекало исключительно в обществе его младшего брата Михаила Павловича и их младшей сестры Анны Павловны, с которыми у него на всю жизнь остались искренние дружеские отношения. Это было младшее поколение царской семьи, тот детский мир, который стоял в стороне от протекавших событий, но в котором постепенно складывалось к этим событиям определенное отношение, не раз сказывавшееся позднее, когда Николаю приходилось выступать в зрелом возрасте.

В характере Николая Павловича с детства замечалось сочетание сердечности и прямоты с жестокостью и угловатостью. Он был ласков и внимателен к окружающим, но проявлял в то же время иногда излишнюю резкость. Совершенно чуждый жестокости, он мог быть подчас довольно грубым. Вспыльчивый и стремительный, он обладал и большой долей настойчивости, но не всегда умел быть достаточно сосредоточенным, что отражалось в известной степени на его занятиях. Шумный в забавах и играх, он обыкновенно был серьезен и задумчив, и только порой, по отзывам его воспитателей, на него находили периоды неудержимой веселости. Отмечают, кроме того, его излишнюю робость и застенчивость, а также, по-видимому, чисто нервную трусливость, проявлявшуюся, однако, крайне неравно. Так, в детстве он очень боялся грозы и фейерверков и долго не мог побороть страх, слыша выстрелы. Напротив, с самого начала он не обнаружил ни малейшей боязни ездить верхом и с детства смело садился на лошадь. Из игр великие князья Николай и Михаил Павловичи любили почти исключительно военные, начиная их чуть ли не с постели. В то же время Николай Павлович очень любил шахматы. Он любил рисовать, рисовал хорошо и занимался даже гравированием. Музыка в детстве и юношеские годы Николай Павлович, по его собственному признанию, совершенно не любил. Любовь к этому искусству развилась в нем лишь значительно позднее. Но он всегда любил хорошее церковное пение; сам пел иногда с певчими и много занимался придворным хором. В своих учебных занятиях он предпочитал, по-видимому, науки точные и практические, мало проявляя склонности к отвлеченным и умозрительным дисциплинам. Чистая математика и политические науки в одинаковой степени не пользовались его симпатиями. Зато прикладная физика и механика возбуждали в нем большой интерес. Особенно он любил инже-

⁴ Посторонние дети в обществе великих князей появляются лишь с 1802 г. Кроме упомянутого уже гр. В.Ф. Адлерберга, это были: принц Адам Вюртембергский, барон Фитингоф (внук Ш.К. Ливен), братья гр. Заводовские, гр. Апраксины, двое сыновей «кавалера» Ушакова, племянники Ахвердова и сын находившейся при великом князе дамы Панасовой. К 1805 г. императрица Мария Феодоровна, находя, что это общество развивает в великом князе недостаточно внимательное отношение к наукам, сочла за благо постепенно удалить от своих детей их товарищей, и вскоре большинство этих последних было отстроено в военно-учебные заведения.

нерное искусство, знал его хорошо и позднее любил говаривать про себя: «Мы, инженеры...» Вообще, как в детстве военные игры, так в юношеском возрасте военные занятия делались все более и более предметом его увлечения. К гражданским наукам он чувствовал всего менее склонности. Это постоянно озабочивало его воспитателей, и прежде всего императрицу-мать, всячески старавшуюся отвлечь своих младших сыновей от исключительного пристрастия к военному делу и всегда поэтому неохотно соглашавшуюся на долгое пребывание великих князей в военной среде. В 1810 г. Николаю Павловичу было даже предложено его воспитателями написать сочинение на тему «доказать, что военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другие занятия для него столько же почтенны и полезны». Великий князь не написал ничего, и дело кончилось тем, что Ахвердов сам должен был продиктовать Николаю Павловичу все сочинение.

Юность и женитьба (1814–1817)

Приблизительно с 1815 года начинается новый период жизни великого князя Николая Павловича. Правильный курс его учения к этому году прерывается. С этого времени начинаются его поездки за границу и по России, а в 1818 г. он вступает в брак с прусской принцессой.

С 1814 по 1817 год великий князь трижды побывал за границей: в 1814, 1815 и 1816–17 годах. Две первые его поездки стояли в связи с военными действиями того времени. В третью поездку он посетил Англию. Между второй и третьей поездками за границу летом 1816 года он совершил большое путешествие по России.

Когда возгорелась Отечественная война, Николай Павлович сильно порывался на театр военных действий, но его желание встретило решительный отпор со стороны государя и императрицы Марии Феодоровны. Только в 1814 году младшие великие князья получили разрешение отправиться в армию. Перед их отъездом императрица-мать напутствовала их пространном письмом (от 5 февраля 1814 г.) – руководством на первых шагах их самостоятельной жизни. Указывая, что все их слова и поступки будут строго, но справедливо судимы («*car l'opinion de l'armee est presque toujours impartiale et elle fixera sur Vous celle de Votre patrie*»), она рекомендовала им следовать во всем советам сопровождавшего их генерала Ламздорфа и доверяться во всем старшему брату-императору. Упомянув о том, что им будет назначен особый руководитель по военной части, она советовала им остерегаться чрезмерного увлечения военными мелочами («*bagatelles militaires*»). Далее следовал ряд общих советов, заканчивавшихся пожеланием «отправляться и вернуться с Богом» («*allez avec Dieu et revenez avec Dieu*»).

Великие князья выехали из Петербурга 5 февраля 1814 г. в сопровождении генерала Ламздорфа, кавалеров Саврасова, Алединского и Арсеньева, полковника Джанотти и доктора Рюля. Их путь шел через Веймар, где они посетили свою сестру великую княгиню Марию Павловну, бывшую замужем за Карлом-Фридрихом, наследным принцем Саксен-Веймарским. Дальнейший их путь замедлился из-за распутицы, и император Александр, начавший в это время движение на Париж, распорядился, чтобы великие князья ждали его дальнейших повелений в Базеле. К этому времени состоялось назначение руководителем по военной части к великим князьям генерал-адъютанта П.П. Коновницына, по личному выбору государя, одобренному императрицей Марией Феодоровной. По дороге в Базель великие князья посетили в Брухзале императрицу Елизавету Алексеевну, гостившую там в то время у своей матери. Только 16 мая, уже после вступления армии в Париж, они, покинув Базель, поехали в столицу Франции, где и оставались до начала июня. Они осматривали здесь различные учреждения, преимущественно военные: Дом Инвалидов, казармы, Политехническую школу и т.п. Предполагалось уже тогда, что великие князья после Парижа посетят Англию, но это не осуществилось: одной из причин к этому было, по-видимому, желание императрицы-матери, чтобы великие князья скорее вернулись домой, к правильным занятиям. Их обратный путь лежал через Брюссель, Гаагу, Амстердам (отсюда они ездили в Заандам) и Берлин. Здесь, в Берлине, Николай Павлович впервые познакомился со своей будущей супругой, прусской принцессой Шарлоттой. К концу 1814 г. великие князья вернулись в Россию.

Дома они оставались, однако, недолго. После того как Наполеон покинул Эльбу и начались новые военные действия, император Александр позволил своим младшим братьям снова отправиться в армию. Императрица Мария Феодоровна снова напутствовала своих сыновей письмом (от 12 мая 1815 г.), в котором, наряду с общими советами обогащать свой ум занятиями и т.п., по-прежнему читаем увещевание – не увлекаться военным режимом. «*J'espere, mes chers enfants, – писала она, – que le regime militaire que vous aurez sous vos yeux, ne vous fera pas adopter le ton brusque, dur, ni imperieux; il deplait chez tout le monde, mais il est insupportable dans des personnes de votre naissance, qui meme dans le moment ou elles sont dans le cas de reprimer*

une erreur ou une faute ne doivent employer que celui de fermete, qui reprime infiniment mieux, que la vivacite et l'emportement»⁵. Одновременно с этим она обращалась с особым письмом (от 11 мая) и к ген.-ад. Коновницину, которому поручено было на этот раз всецело руководить великими князьями во время их пребывания за границей. Николай и Михаил Павловичи покинули Петербург 13 мая в сопровождении ген. Ламздорфа, кавалеров Саврасова, Алединского и Ушакова и доктора Рюля. Их путь шел на этот раз на Берлин и Гейдельберг, где в то время находилась русская главная квартира. Здесь ген. Ламздорф их покинул, передав на попечение Коновницину. С ним в течение всего дальнейшего пребывания великих князей за границей императрица Мария Феодоровна находилась в постоянной переписке, давая всевозможного рода указания и высказывая различные свои опасения. Великие князья сопутствовали государю во время его похода на Париж и прибыли туда на другой день после него, 29 июня 1815 г. На этот раз они оставались в Париже около трех месяцев и покинули его 20 сентября. Их дальнейший путь шел на Баден, где они посетили императрицу Елизавету Алексеевну, Франкфурт-на-Майне, где произошла встреча с цесаревичем Константином Павловичем и великой княгиней Екатериной Павловной, бывшей замужем за Вильгельмом, наследным принцем Вюртембергским, и на Веймар. Отсюда через Лейпциг они двинулись на Берлин, куда и прибыли 10 октября. Здесь 23 октября состоялась помолвка Николая Павловича с принцессой Шарлоттой, которую в своих письмах к сыну императрица Мария Феодоровна давно уже называла русским именем «Alexandrine». Покинув после помолвки, в самом конце октября, Берлин, Николай Павлович вместе с братом вернулся в ноябре в Петербург.

Расставшись с великими князьями, генерал Коновницин в начале 1816 года обратился к ним, в свою очередь, с письмом. В этом письме, среди целого ряда пунктов, особенно характерны те, в которых затрагивается вопрос о взаимоотношении военных и гражданских обязанностей правителя. Представитель старшего поколения, герой «священной памяти двенадцатого года», Коновницин шлет в этом письме своим питомцам завет-предостережение против надвигающегося призрака мертвящей чиновничьей военщины, убивающей и дело государственного строительства, и истинный подъем воинского духа. В шестом пункте его письма мы читаем: «умеряйте честолюбивые желания, буде б они в вас вкрались. Они могут привести к желанию пролития крови ваших ближних, за которую никто вознаградить не в силах. Помните непрестанно, что вступать в войну надобно всегда с сожалением крайним, производить оную как возможно короче и в единственных видах продолжительного мира; что и самая обязанность командования армиями есть и должна быть обязанностью начальственной, временной и даже неприятной для добрых государей. Что блаженство народное не заключается в бранях, а в положении мирном; что положение мирное доставляет счастье, свободу, изобилие посредством законов, и, следовательно, изучение оных, наблюдение за оными есть настоящее, ответственное и неразлучное с званием вашим дело. В прочих же бранях, могущих касаться до спасения отечества, славы и независимости его, идите с твердостью, как славный род предков ваших подвизался». Несколькими строками ниже, в восьмом пункте, он отвечает на вопрос, в чем должно заключаться командование войсками. «Если придет время командовать вам частями войск, – пишет он, – сколько бы велики они или малы ни были, да будет первейшее ваше старание о содержании их вообще и о призрении больных и страждущих. Старайтесь улучшить положение каждого, не требуйте от людей невозможного. Доставьте им прежде нужный и необходимый покой, а потом уж требуйте точного и строгого исполнения истинной службы. Крик и угрозы только что раздражают, а пользы вам не принесут. По службе надобно неминуемо людьми запастись... Следуйте за ними в делах, им поручаемых. Не теряйте их никогда из вида. Знайте, что они делают, приказывайте им отдавать вам отчет в их поручениях. Вы увидите их свойство по тому обороту, какой они примут и дадут каждому делу».

⁵ Перевод

Во время своих первых двух заграничных путешествий великий князь Николай Павлович действительно сталкивался по преимуществу с военным миром. Теперь, после его возвращения в Петербург, начались приготовления к его путешествию по России, долженствовавшему несколько ознакомить его со страной, которой ему намечено уже было со временем править. Дополнением к этому путешествию должна была служить новая намеченная в дальнейшем его поездка за границу – в Англию.

Императрица Мария Феодоровна принимала ближайшее участие в организации обеих этих поездок. По ее поручению была составлена (по-видимому, при участии В.П. Кочубея) записка, в которой излагались главнейшие черты провинциального управления России, и перечислялось все, что могло встретиться интересного на пути великого князя в историческом, географическом, бытовом и промышленном отношении. Самой императрицей были составлены, кроме того, еще две записки (от 15 и 30 апреля 1816 г.), намечавшие маршрут, общую программу и главные частности путешествия. Ввиду назначения к этому времени Коновницына военным министром, возникал вопрос, кто будет теперь сопровождать великого князя. Для путешествия по России намечались генералы Н.Н. Раевский и И.В. Васильчиков и сенатор Львов, заведовавший в то время Воспитательным домом. Предпочтение императрицы было на стороне Львова, как сведущего в гражданском управлении, «*comme le voyage du G.D. Nicolas n'est pas un voyage militaire, mais un voyage d'instruction statistique*»⁶, – не преминула подчеркнуть она по этому поводу. Государь предпочитал Васильчикова, а в случае его отказа предлагал со своей стороны ген. А.А. Вельяминова или ген. Н.И. Демидова. Ни одно из этих лиц почему-то назначено не было. Сопровождать великого князя было поручено ген.-адъют. П.В. Голенищеву-Кутузову. Из кавалеров сопровождали Глинка и Саврасов.

Первоначально предполагалось, что путь великого князя пойдет через губернии: Петербургскую, Псковскую, Смоленскую, Калужскую, захватив из Московской Можайск и Верею, Тульскую, Орловскую, Черниговскую, Киевскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую; отсюда через Керчь, Азов, Таганрог и Область войска Донского на Воронеж, Моршанск, Арзамас, Макарьев и Нижний Новгород; от Нижнего – Волгой до Мологи и отсюда каналами на Вытегру, Петрозаводск и Новую Ладугу. Тогда же, однако, возникало сомнение, хватит ли на это времени, так как на все путешествие предполагалось уделить не более трех-трех с половиной месяцев. При путешествии маршрут был несколько сокращен и изменен. Выехав из Петербурга 9 мая 1816 г., Николай Павлович через Лугу, Порхов и Великие Луки проехал на Витебск, Смоленск, Бобруйск и Чернигов и следовал далее по намеченному маршруту, захватив по пути из Полтавы в Екатеринослав Харьков, посетив Елизаветград, Николаев, Одессу, Херсон, Перекоп, Симферополь и Севастополь и проехав по южному берегу Крыма до Керчи. С Воронежа путь прошел на Курск, Орел и Тулу. В Туле великий князь получил повеление отправиться в Клин и там дожидаться государя, чтобы сопровождать его в Москву, куда они и прибыли к 15 августа. В этот день Николай Павлович сопровождал государя в его торжественном шествии в Успенский собор. К 26 августа он вернулся в Петербург.

Во время путешествия великий князь осматривал различные правительственные учреждения – гражданские и военные. Местные власти были, однако, предупреждены, что великий князь не уполномочен принимать какие бы то ни было просьбы. Во время пути Николай Павлович вел, как было намечено императрицей-матерью, два журнала, в которые заносил все, что встречал достойного внимания: «Общий журнал по гражданской и промышленной части» и «Журнал по военной части». Первый заключал в себе заметки, относящиеся ко всему пути; второй – только губернии: С.-Петербургскую, Псковскую, Витебскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую, Киевскую, Херсонскую, Полтавскую и Харьковскую. В силу самого характера путешествия эти заметки кратки, отрывочны и заключают в себе, главным образом, те

⁶ Перевод

сведения, какие великий князь получал от местной администрации. Личная наблюдательность великого князя и его умение обращать внимание на практическую сторону дела нашли, тем не менее, в этих заметках свое место. О «Журнале по военной части» биограф Николая Павловича бар. Корф дает следующий отзыв: «Все почти замечания относятся до одних неважных внешностей военной службы, одежды, выправки, маршировки и проч. и не касаются ни одной существенной части военного устройства, управления или морального духа и направления войска. Даже о столь важной стороне военного дела, какова стрельба, нет нигде речи, о лазаретах же, школах и тому подобном упоминается лишь вскользь, чрезвычайно кратко».

Почти тотчас же после своего возвращения в Петербург Николай Павлович отправился вновь за границу. Главной целью заграничной поездки на этот раз было посещение Англии, «этой достойнейшей внимания страны» (слова императрицы Марии Феодоровны). Попутно с этим, ввиду того что от сокращения маршрута путешествия по России удлинялся срок возможного пребывания великого князя за границей, предполагалось доставить Николаю Павловичу возможность подольше оставаться в Берлине в семейном кругу его невесты. С великим князем на этот раз отправлялись ген.-ад. П.В. Голенищев-Кутузов, кавалеры Саврасов и Глинка и доктор Крейтон (Grighton) и, кроме того, так как никто из названных лиц Англии не знал, бар. П.А. Николаи, служивший раньше в лондонской миссии при гр. С.Р. Воронцове и знавший хорошо эту страну. Ламздорф сопровождал великого князя до Берлина, куда Голенищев-Кутузов должен был приехать несколько позже. Во всем, что касалось этикета и т.п., великий князь должен был следовать указаниям нашего посла в Лондоне гр. Х.А. Ливена, с которым императрица Мария Феодоровна, снова принявшая на себя все подготовительные по этому путешествию заботы, вступала теперь в длительную переписку. Отправляя великого князя в Англию с целью всестороннего ознакомления его с этой страной, видимо, несколько опасались увлечения с его стороны своеобразным укладом английской государственной жизни и английскими государственными учреждениями. Предохранить Николая Павловича от подобного рода увлечений было поручено гр. Нессельроде, которым и была составлена для этой цели особая записка. Свою записку Нессельроде начинает с указания на трудность для всякого наблюдателя-путешественника вообще, а для юных принцев в силу понятных причин и тем более, разбираться в своих впечатлениях в чужой стране и делать на основании этих впечатлений правильные суждения и выводы. Для правильного суждения о быте каждой страны и ее укладе надо рассматривать этот быт и этот уклад в связи с местными историческими условиями. Такому рассмотрению и подвергает далее Нессельроде английские государственные учреждения, наиболее оригинальные в Англии, что прежде всего бросается в глаза путешественнику, посещающему эту страну. Его вывод: английская конституция так своеобразна и так тесно связана с историческими условиями страны, что всякая попытка пересадить английские учреждения на другую почву всегда приведет лишь к перенесению внешних форм, но не духа этих учреждений; мало того, сами основные принципы этой конституции, несмотря на то что они имеют значение вечных истин, поддаются заимствованию лишь путем подготовительных мер и будучи зрело обдуманы и комбинированы («*meme les principes, sur lesquels elle se fonde et qui cependant sont d'une verite generale, ne sauraient etre adoptes sans des mesures preparatoires et murement combinees*»). Императрица Мария Феодоровна, вообще хлопотавшая о том, чтобы у великого князя поменьше уходило времени на официальные приемы и торжества, желала, чтобы путешествие совершалось инкогнито. Государь был против этого; лишь в исключительных случаях Николаю Павловичу разрешено было наименоваться графом Романовым.

Николай Павлович выехал из Павловска 13 сентября 1816 г., прибыл в Берлин 21 сентября и пробыл там до 15 октября. Дальнейший путь шел на Веймар, где великий князь снова посетил свою сестру Марию Павловну, и дальше через Кассель, Кобленц, Кельн, Ахен и Льеж на Брюссель, где он посетил другую свою сестру, друга своего детства Анну Павловну, вышедшую к этому времени замуж за наследного нидерландского принца Вильгельма Оранского.

Проехав отсюда на Кале, Николай Павлович на королевской яхте «Royal Sovereign» (адм. Кекберн) переправился в Англию и высадился 6 ноября в Диле (Deel), откуда в экипаже через Дувр прибыл 9 ноября в Лондон. Прием, встреченный Николаем Павловичем со стороны английского принца-регента Георга, не расположенного к России и лично к императору Александру, на первых порах был довольно холодный и не всегда даже отвечал требованиям этикета. Лишь позднее установились более дружелюбные отношения. Во время своего пребывания в Лондоне Николай Павлович дважды (17 ноября 1816 г. и 15 января 1817 г.) посетил дочь принца-регента, принцессу Шарлотту, бывшую замужем за Леопольдом Кобургским (впоследствии – король бельгийский) и жившую в то время в загородном замке Кларемон. После второго из этих посещений он проехал в Брайтон к самому принцу-регенту, где и оставался пять дней. В самом Лондоне великим князем были осмотрены многие достопримечательности под руководством капитана Конгрева (Congreve). Несколько раз его спутником и руководителем был герцог Веллингтон.

Из Лондона Николай Павлович совершил две значительные поездки по Англии. Первая поездка была на север и в Шотландию, во время которой великий князь посетил Ливерпуль, Эдинбург и Глазго. Шотландия произвела особенно сильное впечатление на Николая Павловича. Во время второй поездки, на юг Англии, он осмотрел Портсмут, Плимут и Бристоль. По официальным отзывам лиц, сопровождавших великого князя, он всюду встречал весьма дружелюбный прием и везде завоевал себе симпатии как своим обхождением, так и той внимательностью, с какой он все осматривал. В своих частных записках один из сопровождавших Николая Павловича кавалеров, Глинка, однако, жалуется на то, что осматривается чересчур много различных местностей, а поэтому и чересчур быстро, вместо того чтобы подольше остановиться на немногом, но наиболее интересном.

3 марта 1817 г. Николай Павлович покинул Лондон и через Дувр и Кале проехал во Францию, в Мобеж, где стоял в это время русский оккупационный корпус. Дальнейший путь шел в Штутгарт через Брюссель, где великий князь еще раз навестил свою сестру Анну Павловну, и Франкфурт. В Штутгарте великий князь пробыл некоторое время у другой своей сестры Екатерины Павловны, муж которой вступил к этому времени на престол (Вильгельм I Вюртембергский).

Из Штутгарта великий князь направился через Веймар в Берлин, куда и прибыл 3 апреля. В Берлине Николай Павлович оставался на этот раз около трех недель. Его пребывание здесь носило теперь уже совершенно интимный характер; его принимали как родственника. 22 апреля Николай Павлович покинул Берлин и 27 апреля прибыл в Петербург. Через два месяца после этого состоялось его бракосочетание с принцессой Шарлоттой.

Во время поездок великого князя Николая Павловича за границу довольно ярко сказались некоторые черточки его характера; с другой стороны, сами эти поездки способствовали выработке в нем определенного отношения к отдельным западным странам, главным образом к Франции, Англии и Пруссии. Поездки во Францию стояли в значительной степени в связи с той борьбой, какую заканчивала в это время Европа и оружием, и дипломатическими про-исками против Наполеона, и с теми реставрационными планами, какие к этому времени уже назревали. Самому Николаю Павловичу принять участие в главных грандиозных событиях того времени не удалось. Он не участвовал, как мы сейчас видели, ни в военных действиях 1814 г., ни в торжественном вступлении союзников в Париж. Тем не менее, прибыв туда, он, по-видимому, попал в сферу тех происков и интриг, которые группировались вокруг вопроса о низложении Наполеона и восстановлении династии Бурбонов. Второе пребывание Николая Павловича в Париже в 1816 г. имело для него еще большее значение по тем впечатлениям, какие ему пришлось теперь здесь пережить. Это было время второй реставрации. Впервые младшие братья императора Александра приняли теперь личное участие в происходивших в Париже постоянных смотрах и парадах, долженствовавших иметь значение внушительной

политической демонстрации и перед французским населением, и перед общественным мнением Европы. На смотре 29 августа в Вертю Николай Павлович впервые командовал 2-й бригадой 3-й гренадерской дивизии и вел Фанагорийский полк. К этому времени начал сказываться уже истинный характер той политики, какой был вдохновлен Венский конгресс, и есть известие, что император Александр ознакомил своего брата Николая с текстом задуманного им Священного Союза, сказав будто бы ему при этом: «Помните, что с сегодняшнего дня вы примкнули к нему. Мне хотелось бы думать, что со временем вы в свою очередь будете его твердой опорой». Любопытно то, что в это же время окружающим бросилась в глаза другая черта в поведении великих князей Николая и Михаила Павловичей. Во время своего пребывания в Париже император Александр как будто стыдился того, что он – правитель России, относился с явной нелюбовью ко всему русскому и держался несколько заискивающего тона перед своими союзниками. В противоположность ему великие князья восхищались «всеми тем, что есть русского», гордились памятью 12-го года и явно тяготились и относились с неприязнью к той пестрой толпе иностранцев, которая постоянно окружала Александра.

Еще во время первой своей поездки в Париж Николай Павлович познакомился с герцогом Орлеанским, впоследствии королем Людовиком-Филиппом, и, как есть известие, с госпожой де Сталь. На всю жизнь он сохранил любовь к французской культуре, но в его глазах это была прежде всего культура старой Франции и режима реставрации. И тем сильнее была его нелюбовь к новой Франции. После 1816 г. Николаю Павловичу не довелось больше никогда побывать в Париже, и то, что с этого времени здесь происходило, то, что подготовляло 1830-й год и еще больше 1848-й, весь тот лихорадочный темп политической жизни, каким стала жить теперь Франция, пробуждал в нем к себе одно только отрицательное отношение⁷.

Столь же двойственное впечатление вынес, по-видимому, великий князь Николай Павлович и от своего посещения Англии. Его поездка в Англию в 1817 г. имела определенное политическое значение: предстояло упрочить соглашение между Россией и Англией, несколько поколебавшееся после Венского конгресса. Как было сейчас сказано, первый прием, оказанный Николаю Павловичу принцем-регентом, был довольно холодный. Есть известия, что Николай Павлович обнаружил при этом много такта, сумел охранить свое достоинство и таким путем наладил более дружелюбные отношения, завоевал всеобщие симпатии своим обхождением. Пребывание в Англии дало ему возможность до известной степени ознакомиться с теми кружками русских англоманов-аристократов, к которым примыкал и наш представитель при лондонском дворе князь Ливен и которые группировались главным образом около дочери гр. С.Р. Воронцова, бывшей замужем за лордом Пемброк⁸.

Высокий уровень английской культуры произвел на Николая Павловича сильное впечатление, и известного рода англоманство всегда оставалось ему присущим. Как и увлечение французской культурой, это англоманство носило, однако, чисто платонический характер. Политический строй Англии, по-видимому, не пробудил в нем глубокого интереса. 16 января великий князь присутствовал на открытии парламента и вечером в тот же день был на заседании верхней палаты и согласительной между обеими палатами конференции. Ни из чего не видно, чтобы эти посещения оставили в нем глубокое впечатление. Время его пребывания в

⁷ Первая поездка великого князя Николая Павловича за границу имела, между прочим, для него значение и потому, что во время нее у него завязались отношения с двумя лицами, имевшими впоследствии такое большое значение в его царствование: с П.А. Клейнмихелем, бывшим в то время капитаном Преображенского полка, который привез в Веймар великим князьям приказание императора Александра ехать в Базель и ждать там его дальнейших распоряжений, и, главным образом, с Паскевичем. С первого же знакомства с великим князем в Париже И.Ф. Паскевич, в то время начальник 2-й гренадерской дивизии, стал часто бывать у него, разбирал с ним с теоретической точки зрения битвы 1812, 1813 и 1814 гг. и сумел завоевать его искреннее расположение и доверие.

⁸ Николай Павлович посетил лорда Пемброка (12 февраля 1817 г.) в его замке Вильтон-Гоуз, заключавшем в себе богатые художественные коллекции.

Англии совпало к тому же с политическим возбуждением страны ввиду переживаемого в это время экономического кризиса⁹.

Особа самого принца-регента возбуждала к себе неприязненное отношение: его появление на улицах Лондона вызывало враждебные демонстрации. Те формы, в какие выливалось все это движение, политические собрания и митинги вызывали в Николае Павловиче определенное отрицательное к себе отношение; в его уме, должно быть, невольно напрашивалось при этом сопоставление с тем, с чем ему пришлось встретиться во Франции, когда Александр I ввел его в семью европейских государей как будущего защитника начал Священного Союза. Есть известия, что однажды он сказал сопровождающему его Голенищеву-Кутузову: «Если бы, к нашему несчастью, злой гений перенес к нам все эти клубы и митинги, делающие больше шума, чем дела, то я просил бы Бога повторить чудо смешения языков или, еще лучше, лишить дара слова всех тех, которые делают из него такое употребление».

Но если к Англии и Франции у Николая Павловича сложилось двойственное отношение, то его сердце вполне отдыхало, когда он попадал в Берлин. Здесь он чувствовал себя в своей среде, в близкой его сердцу атмосфере военного командования. И сам он был принят в Берлине сперва как дорогой гость, скоро окончательно как родной. Еще задолго до первого посещения Николаем Павловичем Берлина в 1809 г., во время пребывания в Петербурге королевы Луизы, у императрицы Марии Феодоровны явилась мысль о браке своего третьего сына с прусской принцессой Шарлоттой, что должно было упрочить династическую связь между русским и прусским дворами. 23 октября 1816 г. состоялась, как было уже сказано, их помолвка. В январе 1817 г. император Александр и прусский король обменялись письмами, как бы подтверждающими решение об этом браке, и в Берлин был послан протоиерей Н.В. Музовский ознакомить принцессу с учением Православной Церкви и давать ей уроки русского языка. С этого времени Берлин – неизменный пункт остановки Николая Павловича во время его поездок за границу. В конце 1816 г. он пробыл здесь около месяца, проведя все это время, за исключением, пожалуй, четырех дней – 24, 25 и 26 сентября и 6 октября, посвященных парадам и маневрам, – почти исключительно в кругу королевской семьи в Шарлоттенбурге. К своему будущему тестю у него быстро устанавливается чисто сыновняя почтительность; с братом невесты, принцем Вильгельмом (впоследствии император Германский Вильгельм I) у него завязываются дружеские отношения. Во время следующего его посещения Берлина он был назначен шефом Бранденбургского кирасирского полка. Во время большого парада Николай Павлович сам вел свой полк перед королем и вообще поразил своих немецких сослуживцев знанием в совершенстве прусского воинского устава. Обстановка, при которой совершилась поездка нареченной невесты Николая Павловича в Россию, раскрывает перед нами точно так же некоторые не лишённые интереса подробности.

Принцесса покинула Шарлоттенбург 31 мая в сопровождении своего брата принца Вильгельма. Ее свиту составляли: обер-гофмейстерина графиня Трухсес, графиня Гааке, бывшая гоф-дама королевы Луизы, воспитательница принцессы Вильдермет, обер-гофмейстер фон Шильден, камергер Латтум, протоиерей Музовский, лейб-медик Буссе и секретари Шамбо и Шиллер. В свите принца находились: его воспитатель ген. Ольдвиг фон Нацмер, полковник Грабов, майор Лукаду, лейтенант фон Мутиус и личный адъютант принца поручик гр. Шлифен. Сопровождавший принца ген. Нацмер имел от короля инструкцию политического характера, содержание которой не совсем как-то вязалось с радостным настроением момента. Он должен был всеми силами отклонять императора Александра от мысли о войне с Турцией и успокаивать его относительно возможности революционного движения в Пруссии, что является-де для России лишь предлогом держать громадную армию. Одновременно с этим Нацмер имел поручение от прусского генерального штаба... собирать сведения о русских погранич-

⁹ Николай Павлович посетил, между прочим, известную фабрику Оуэна в Нью-Ланарке.

ных укреплениях. 8 июня принцесса приехала в Мемель, а на другой день прибыл сюда Николай Павлович. В этот же день состоялся переход принцессы через границу. По обеим сторонам границы были выстроены прусские и русские войска. Николай Павлович, поздоровавшись с пруссаками, сказал: «Мои друзья, помните, что я наполовину ваш соотечественник и, как вы, вхожу в состав армии вашего короля». Принцесса перешла границу пешком. Представляя ее русским войскам, Николай Павлович сказал офицерам: «Это не чужая, господа, это дочь вернейшего союзника и лучшего друга нашего государя». Все это не было лишено большого политического значения. Мечты об упрочении династической связи между Россией и Пруссией, которые лелеял в свое время император Павел и которые как его завет берегла для его детей императрица Мария Феодоровна, теперь были близки к осуществлению. Дружба с Пруссией надолго с этого времени становится заветом русской правительственной политики, как бы одним из официально санкционированных устоев русской государственности. Сам Николай Павлович долго твердо держался этого начала, и только в эпоху 1848 года симптомы нового курса в прусской политике заставили его насторожиться и как измена легитимизму, и как первые провозвестники будущей мощи объединенной Германии.

В Полангене принцессу ожидал ее русский штат, состоявший из княгини Е.А. Волконской, фрейлин граф. Шуваловой и Ушаковой, обер-мундшенка гр. Г.И. Чернышева, гофмейстера П.Р. Альбедил, камергера кн. В.В. Долгорукова и камер-юнкера гр. Соллогуба. Дальнейший путь шел через Ригу и Дерпт (Юрьев). Император Александр, императрица Мария Феодоровна и великий князь Михаил Павлович встретили принцессу в Коскове 18-го июня. 19-го июня прибыли в Павловск, где произошла встреча принцессы с императрицей Елизаветой Алексеевной. 20-го был торжественный въезд в Петербург. 24-го июня, во время миропомзания, принцесса Шарлотта была наречена великой княжной Александрой Феодоровной. 25-го июня (день рождения Николая Павловича) состоялось обручение, а 1-го июля (день рождения Александры Феодоровны) в церкви Зимнего дворца – бракосочетание. Первые дни после свадьбы новобрачные жили в Аничковом дворце, а затем переехали в Павловск¹⁰.

От этого времени дошло два описания современниками внешности и общего облика великого князя Николая.

Одно из них принадлежит иностранцу, лейб-медику принца Кобургского Штокмару, видевшему Николая Павловича в замке Кларемон. Он так описывает его внешний вид и манеры: «Это – необыкновенно пленительный юноша; он выше принца Леопольда, не очень худ и прям, как сосна. Его лицо – юношеской белизны, с необыкновенно правильными чертами: красивым открытым лбом, красиво изогнутыми бровями, необыкновенно красивым носом, изящным маленьким ртом и тонко очерченным подбородком... Его манера держать себя полна оживления, без натянутости, без смущения и тем не менее очень прилична. Он много и прекрасно говорит по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Если даже не все, что он говорил, было очень остроумно, то, по крайней мере, все было не лишено приятности; по-видимому, он обладает решительным талантом ухаживать. Когда в разговоре он хочет оттенить что-либо особенное, то поднимает плечи кверху и несколько аффективно возводит глаза к небу. Во всем он проявляет большую уверенность в самом себе, по-видимому, однако, без претенциозности. Он не очень много занимался принцессой (т.е. женой принца Кобургского), которая чаще обращалась к нему, чем он к ней. Он был очень умерен для своего возраста в еде и к тому же не пил ничего, кроме воды. Когда после обеда графиня Ливен сыграла на фортепиано, он поцеловал ей руку, что показалось английским дамам крайне странно, но встречено

¹⁰ В день обручения исполнилось гражданское совершеннолетие Николая Павловича; ген. Ламздорф и весь воспитательский и учебный штат великого князя закончили теперь свои обязанности. Ламздорф был возведен при этом в графское достоинство и получил высочайшие подарки. С этого времени и до самой смерти (1828 г.) он, в звании члена Государственного Совета, проживал в бессрочном отпуске в своей деревне. Николай Павлович до конца его жизни высказывал ему всегда свое расположение.

с сочувствием. Мне говорили, что когда все разошлись спать, то для великого князя был принесен кожаный мешок, набитый его людьми сеном на конюшне, на котором он всегда спит. Наши англичане увидели в этом желание порисоваться».

Другой отзыв принадлежит перу соотечественника, известного Ф. Вигеля, более субъективен и отражает на себе те думы, какие волновали в то время русское общество. «Два года, – пишет Вигель про Николая, – провел он в походах, за границей, в третьем проскакал он всю Европу и Россию и, возвратясь, начал командовать Измайловским полком. Он был несообщителен и холоден, весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и к другим. В правильных чертах его белого, бледного лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которые в первой молодости облегли чело его, были как будто предвестием тех напастей, которые посетят Россию во дни его правления... Сие чувство не могло привлекать к нему сердец. Скажем всю правду: он совсем не был любим».

Великий Князь Николай Павлович во вторую половину александровского царствования (1818–1825)

После своей женитьбы великий князь Николай Павлович начинает все чаще и чаще выступать в определенных случаях и перед русским обществом, и перед лицом Европы рядом с государем как представитель императорской фамилии, а в отсутствие своего старшего брата и прямо заступает его место. В эти же годы определяется и круг его государственных обязанностей.

Нельзя сказать, что этот круг, отмежеванный для великого князя государем, был очень широк. К делам высшего государственного управления он привлечен не был¹¹.

Его служебные обязанности ограничивались исключительно сферой военного управления. Один из занимаемых им в этом управлении постов был, впрочем, довольно ответственный. 3 июля 1817 г. великий князь был назначен на вновь учрежденную должность генерал-инспектора по инженерной части¹².

Отвечавшая его постоянной склонности к инженерному искусству, эта деятельность доставляла ему большое удовлетворение и не прошла бесследной в истории военно-инженерного управления в России. С учреждением этой должности в руках Николая Павловича сосредоточилось, в сущности, все дело государственной обороны. Реформы, проведенные в этой части им или, во всяком случае, под его именем, были далеко не незначительны: им, можно сказать, была создана военно-инженерная часть в России.

Уже само по себе учреждение генерал-инспекторской должности по инженерной части имело существенное значение. До этого времени инженерные войска, будучи подчинены начальнику инженерного департамента Военного министерства, находились тем самым в подчинении у начальника Главного штаба (должность, учрежденная в 1815 г.). С учреждением генерал-инспекторской должности начальник инженерного департамента терял значение как начальник инженерных частей, и эти последние, теперь подчиненные генерал-инспектору, становились в более независимое положение по отношению к начальнику Главного штаба¹³.

21 августа 1818 г. великим князем был представлен доклад об устройстве инженерного корпуса на новых основаниях, чему и была посвящена его дальнейшая деятельность. Генерал К.И. Опперман, бывший начальником инженерного департамента, с учреждением новой должности терял свое значение; в силу своих прежних отношений к великому князю он и теперь, однако, остался его приближенным, и именно при содействии Оппермана Николаем Павловичем были проведены главные реформы по военно-инженерному управлению. Предстояло прежде всего уничтожить двойственность в подчинении военно-инженерных частей, создавшуюся с учреждением должности генерал-инспектора. Вопрос этот был разрешен в смысле большего подчинения этих частей генерал-инспектору за счет власти начальника Главного штаба. Отчасти это предусматривалось уже в новом, утвержденном 19 августа 1817 г., положении об инженерных частях. Еще более это достигалось сведением инженерных батальонов

¹¹ Николай Павлович не был назначен в Государственный Совет. Есть, правда, известие (частного характера), что с 1819 г. он присутствовал при всех докладах государю по отдельным отраслям управления, но это известие требует еще подтверждения.

¹² Одновременно с этим он был назначен шефом лейб-гвардии саперного батальона.

¹³ Николай Павлович вступил в должность 20 января 1818 г. Приказ, отданный им о своем назначении, гласил: «Давая о сем знать по инженерному корпусу, долгом поставляю подтвердить всем чинам оно, что ревностным исполнением своих обязанностей, усердием к пользе государственной и отличным поведением всякий заслужит Государевы милости, а во мне найдет усердного для себя ходатая пред лицом Его Величества. Но в противном случае за малейшее упущение, которое никогда и ни в каком случае прощено не будет, взыщется по всей строгости законов. От усердия и твердости господ начальников, от рвения и полного повиновения подчиненных ожидаю иметь всегда удовольствие; и твердо на сие надеясь, уверяю всех и каждого, что умею ценить милость Государеву, соделавшую меня начальником столь отличного корпуса».

в бригады и введением бригадного управления, утвержденного 7 марта 1819 г. Значение этой меры сказывалось особенно в тех случаях, когда инженерные батальоны отряжались от корпусов в крепости и здесь становились в полное подчинение особому инженерному начальству. Власть бригадных командиров росла за счет власти общего корпусного начальства. Через это, в свою очередь, умалялось значение начальника Главного штаба, и инженерные части, получая большую независимость от общего военного управления, становились в более тесную зависимость от своего генерал-инспектора, получившего теперь, наряду с начальником Главного штаба, право доклада у Государя Императора.

Сосредоточив в своих руках управление инженерными войсками, Николай Павлович поставил себе двоякую цель: создать русский военно-инженерный корпус и тем избежать необходимости обращаться к иностранным силам и развить военно-инженерное строительство – крепостное и казарменное. Красной нитью через все его мероприятия проходит взгляд на военных инженеров как на офицеров, а не чиновников. Достижение намеченных целей осуществлялось двумя путями: развитием учебной части и собственно новым устройством инженерного корпуса. 23 августа 1818 г. генерал-инспектор вошел с докладом к начальнику Главного штаба, в котором сообщал высочайшее соизволение на учреждение, кроме существовавшего Военно-ученого комитета, особых ученых комитетов по инженерной, артиллерийской и квартирмейстерской части. Следующей мерой за учреждением Ученого инженерного комитета было преобразование существовавшей инженерной школы в Главное инженерное училище. Исходя из предположения, что техники, хотя бы и стоящие на высоком уровне, но прошедшие гражданскую школу, не пригодны для военно-инженерного дела, великий князь представил план об учреждении Главного инженерного училища, подготовленный Опперманом и ген.-майором гр. Е.К. Сиверсом; этот план и был учрежден государем 24 ноября 1819 г.¹⁴

Приступая к новому устройству инженерного корпуса, Николай Павлович обратил прежде всего внимание на увеличение окладов чинов корпуса. Для достижения этой цели было признано необходимым уменьшить численность личного состава и найдено возможным сократить инженерный штат некоторых из крепостей, терявших теперь уже свое значение вследствие продвижения границы. Существовавшее по штату 1810 г. число крепостей – 54 – было сокращено до 43, и, кроме того, 3 крепости (Динамюнде, Тирасполь и Аккерман) были оставлены без собственного инженерного штата. Был упразднен Астраханский инженерный округ. Некоторые крепости были понижены в классе. В первом классе вместо 19 было оставлено 14¹⁵; во второй включено 19 вместо 18; в третьем оставлено 13 вместо 25. Все это дало возможность провести к 1 января 1819 г. новые штаты инженерного корпуса. Крепостное строительство в бытность Николая Павловича генерал-инспектором сосредоточивалось, главным образом, в Бобруйске и Динабурге (Двинск), в гораздо меньшей степени – в Свеаборге, Кронштадте и Севастополе. Вне ведения генерал-инспектора оставалась лишь постройка крепостей в Грузии,

¹⁴ В Главное инженерное училище принимались лица не моложе 14 лет (в корпуса принимались и малолетние) и не иначе, как по экзамену. Прием производился из вольноопределяющихся, поступавших в юнкера, кондукторы и унтер-офицеры, а также из воспитанников частных школ, поступавших в кондукторы и унтер-офицеры. Экзамен производился из арифметики и алгебры до уравнений, географии, одного из двух новых языков, начальной геометрии, рисования, истории и русского языка. Училище состояло из офицерского отделения (позднее – Николаевская инженерная академия) и кондукторского. Начальником был назначен гр. Ег. Карл. Сиверс. В училище преподавались: алгебра, геометрия, тригонометрия, начертательная и аналитическая геометрия, дифференциальное и интегральное исчисление, физика, химия, механика, рисование и черчение, архитектура, фортификация, артиллерия, русский, французский и немецкий языки, история, география и экзерциция. В этом училище преподавали многие выдающиеся ученые и специалисты того времени, как, напр., полк. Х.Х. Христиани (фортификация), инженер-капит. А.В. Дядин (артиллерия), бывший профессор СПб. университета К.И. Арсеньев (история и география), удаленный из университета Руничем и Магницким и приглашенный под личной ответственностью великого князя. Николай Павлович вообще близко входил в жизнь училища, интересовался всем происходящим, часто посещал лекции и присутствовал на конференциях. На строевую часть в училище было обращено такое же внимание, как на учебную. Училище помещалось в Михайловском замке.

¹⁵ Свеаборг, Выборг, С.-Петербург, Кронштадт, Рига, Ревель, Динабург, Бобруйск, Киев, Бендеры, Измаил, Херсон, Ахтиар и Тифлис.

что с 1819 г. было поручено командиру тамошнего корпуса ген. Ермолову. Ввиду сильного развития казарменно-строительной части в столице и ее окрестностях и неудовлетворительной постановки этого дела, 3 декабря 1820 г. была учреждена Гвардейская казарменная комиссия, и в ее ведение была передана постройка казарм из рук городской комиссии о строениях. Офицерский состав при начальнике этой комиссии был сформирован в корпус гвардейских инженеров, бывших одновременно с этим полевыми инженерами гвардейских войск. Для подготовки личного рядового состава к положению 19 августа 1818 г. было приложено наставление для обучения инженерных войск, что вносило в это дело, зависящее до этого исключительно от усмотрения ротных командиров, больше единообразия. Наконец, состав инженерных войск пополнился учреждением в 1819 г. конных пионеров (первая попытка устройства их принадлежала в 1812 г. Кутузову) и созданием в 1820 г. учебного саперного батальона; учреждением в 1821 г. запасных инженерных парков был облегчен обоз инженерных войск.

Одновременно с должностью генерал-инспектора инженерной части великий князь занимал более скромный пост – командира одной из гвардейских бригад, а несколько позднее – 2-й гвардейской дивизии¹⁶.

Деятельность Николая Павловича как бригадного генерала имеет, конечно, гораздо меньше общего значения, чем его деятельность в должности генерал-инспектора¹⁷. Эта деятельность имела зато большое значение для него лично, так как ставила его лицом к лицу с тогдашним гвардейским офицерством как раз в те годы, когда среди этого последнего началось уже политическое брожение. Отношения, установившиеся теперь между великим князем и гвардейским офицерством, во многом помогают уяснить как ту позицию, какую занял Николай Павлович в 1825 году, когда встал вопрос о престолонаследии, так и ту оценку, какую встретила его личность в известных кругах русского общества.

Вступив в должность бригадного командира, Николай Павлович, как это видно из его собственных записок, старался поднять во вверенной ему части дисциплину, сильно порасшатившуюся вообще, по его мнению, в войсках после возвращения армии из Франции. По существу, в своем командовании он, по общим отзывам, придерживался тех же начал по преимуществу фронтовой выучки, которые возобладали к этому времени в нашей армии и которые вызвали резкое на себя нареkanie со стороны боевых генералов александровского времени, как, например, Ермолова, и даже – в то время еще – со стороны Паскевича. Будучи очень требователен, Николай Павлович, как и его младший брат Михаил, часто бывал резок и недостаточно сдержан, обнаруживая при этом крайне мелочную придирчивость. На этой почве у него постоянно происходили столкновения и неприятные истории с сослуживцами и подчиненными.

Приведенный выше отзыв о Николае Павловиче Ф. Вигеля, при всей своей субъективности, отражает действительное отношение к нему офицерства, а через это последнее – и других

¹⁶ Назначение Николая Павловича командиром 2-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, в которую входили в то время полки лейб-гвардии Измайловский и Егерский, последовало 27 июля 1818 г., через год после его назначения генерал-инспектором по инженерной части. 11 мая 1821 г. командование над 1-й гвардейской дивизией принял Паскевич. Одновременно с этим, однако, командующий гвардейским корпусом кн. И.В. Васильчиков вышел в отставку, что стояло в связи с известным волнением в Семеновском полку, а гвардейский корпус получил повеление (еще 11 апреля т.г.) выступить в Вильну. Командиром корпуса был назначен ген.-ад. Ф.П. Уваров, но так как он оставался в Петербурге, то командование корпусом было возложено по старшинству на Паскевича. В свою очередь Паскевич передал командование своей дивизией великому князю Николаю Павловичу. В 1825 г. произошло перераспределение гвардейских полков по дивизиям. Л.-гв. Измайловский полк вместе с л.-гв. Павловским и л.-гв. Саперным батальоном составил 3-ю гвардейскую бригаду; в 4-ю бригаду вошли л.-гв. Егерский и л.-гв. Финляндский полки. Обе эти бригады составили теперь 2-ю гвардейскую дивизию, командование которой было поручено Николаю Павловичу.

¹⁷ В связи с деятельностью Николая Павловича как бригадного командира стоит, между прочим, учреждение Школы гвардейских подпрапорщиков. Эта школа, утвержденная императором Александром 9 мая 1823 г., возникла из частного опыта Николая Павловича, находившего, что молодые люди поступают в полки недостаточно подготовленными, и с этой целью организовавшего в 1822 г. под своим личным наблюдением обучение подпрапорщиков вверенной ему бригады.

кругов общества. Интересно, с другой стороны, отметить, что сам Николай Павлович уже в то время в отдельных проявлениях нарушения дисциплины усматривал нечто большее, чем простую распущенность, истолковывал протест против фронтовой муштры как симптом более серьезной оппозиции, подмечал в этом связь с тем недовольством, которое распространялось в обществе, и как бы вел с нарастающим движением определенную борьбу. В собственных записках Николая Павловича читаем: «По мере того как я начал знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в других полках, я возымел мысль, что под сим, т.е. военным распутством, крылось что-то важное, и мысль сия постоянно у меня оставалась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренне усердных и знающих, на добрых малых, но запущенных и на решительно дурных, т.е. говорунов, дерзких, ленивых и совершенно вредных; но сих-то последних гнал я без милосердия и всячески старался от оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь через все полки и в обществе имели покровителей, коих сильное влияние сказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне оплачивалось». Оставляя в стороне ту личную оценку назревающего движения, которая ясно сквозит в этих словах великого князя, мы не можем отказать ему в верном понимании внутренней связи между теми явлениями, которые ему приходилось наблюдать.

Нелюбимый офицерством и обществом, великий князь Николай Павлович с 1817 года постоянно живет под гнетом мысли, что готовится что-то, с чем ему придется, быть может, со временем сводить счеты. Эта мысль должна была тревожить его все более и более по мере того, как перед ним обрисовывалась перспектива вступления на престол. Прежде чем, однако, перейти к вопросу о том, как состоялось назначение Николая Павловича наследником престола, будет не лишним отметить те случаи, когда он выдвигается прямо и в силу естественных условий как заместитель государя, и обрисовать вместе с этим ту группировку, которая к этому времени начинает слагаться между отдельными членами царской семьи.

С 30 сентября 1817 г. до половины июня 1818 г. Николай Павлович с супругой провел время в Москве, где присутствовал 12 сентября вместе с государем на закладке храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. 17 апреля 1818 г. в кремлевском дворце (Николаевском) у великокняжеской четы родился первый ребенок – сын, будущий Царь-Освободитель Александр II. Император Александр покинул к этому времени Москву, отправившись в Варшаву на открытие польского сейма и затем в Бессарабию. Лишь к июню государь вернулся в Москву, куда вскоре после этого прибыл и тесть великого князя Николая Павловича – прусский король с наследным принцем: принц Вильгельм все еще, со времени бракосочетания его сестры, оставался в России.

К 22 июня 1818 г. двор переселился в Петербург. Вскоре после этого, 27 августа, государь снова уехал на конгресс в Ахен, где и оставался до декабря. Обе императрицы также отправились за границу: Мария Феодоровна – повидать своих дочерей в Веймар, Штутгарт и Брюссель, а Елизавета Алексеевна к своей матери в Баден; великий князь Михаил Павлович также путешествовал в это время за границей. Николай Павлович с супругой остались единственными представителями царской семьи в Петербурге. Местом пребывания великокняжеской семьи в Петербурге был Аничков дворец; здесь 6 августа 1819 года у великого князя родился второй ребенок – дочь Мария Николаевна. За этим следует сравнительно долгий период – с лета 1820 г. до начала 1822 г. – отсутствия Николая Павловича в Петербурге. В июле 1820 г. великокняжеская чета отправилась за границу, на этот раз для поправления здоровья великой княгини: 20 июня этого года она разрешилась от бремени мертвым ребенком. Зимой Николай Павлович с супругой провел в Берлине, а лето 1821 г. – в Эмсе. Настоящее пребывание великого князя в Берлине, совпавшее с теми событиями, какие разыгрывались в это время в Германии и вообще в Европе, имело, по-видимому, большое для него значение в смысле развития в нем

охранительных взглядов. На этот раз он имел случай и более непосредственно соприкоснуться с политикой: в феврале 1821 г. по поручению императора он приезжал из Берлина в Петербург, чтобы подготовить гвардию к предполагавшемуся выступлению в поход ввиду итальянских событий (революция в Пьемонте), а по возвращении ездил в Троппау, где в то время был на конгрессе император Александр, получивший здесь известие о беспорядках в Семеновском полку. В то же время пребывание в Берлине еще более упрочило родственные и дружеские симпатии Николая Павловича к берлинскому двору и его расположение к прусской армии, а отсюда и вообще к военному режиму. «Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого; никто не приказывает прежде, чем не научится повиноваться; никто без законного основания не становится вперед другого; все подчиняется одной определенной цели, все имеет свое назначение», – так определял он впоследствии свое предпочтение военного начала гражданскому. К концу лета 1821 г. великий князь вернулся в Россию, заезжая по дороге к цесаревичу Константину Павловичу в Варшаву. Зимой с 1821 г. на 1822 г. Николай Павлович проживал большей частью в Вильне, где находилась в это время квартира 1-й гвардейской дивизии и была расположена его бригада, лишь временами навещаясь в Петербург. Зато часть этой зимы вся царская семья провела вместе: в Петербурге гостил цесаревич Константин Павлович, с 1816 г. живший постоянно в Варшаве. Это продолжалось, однако, недолго. К концу января 1822 г. цесаревич уехал, а в конце лета того же года уехал за границу на Веронский конгресс и сам государь. До января 1823 г. Николай Павлович снова оставался в Петербурге как представитель царской семьи¹⁸.

В августе этого года Николай Павлович сопровождал государя при осмотре Бобруйской крепости и после этого был вместе с ним в Брест-Литовске на смотре польских войск и войск литовского корпуса. Сюда прибыл к этому времени прусский принц Вильгельм, и к ноябрю все они вместе вернулись в Царское Село.

Летом 1824 г. Николай Павлович совершил свое последнее путешествие в Берлин как великий князь¹⁹. За это свое пребывание в Берлине ему пришлось выступить в роли посредника в некоторых довольно деликатных династических и дипломатических вопросах между Берлинским и Петербургским дворами. Король Фридрих-Вильгельм III вступил в брак с графиней Гаррах, получившей титул княгини Лигниц, графини Гогенцоллерн. В то же время принц Вильгельм предполагал вступить в брак с княжной Елизаветой Радзивилл, и король решил обратиться к императору Александру, как к старшему представителю Гольштейн-Готторнского дома, с просьбой об адаптации княжны Радзивилл, чтобы сделать ее равноправной Гогенцоллернам. С этим намерением и вместе с тем извещением о своем собственном браке король отправил в Петербург Николая Павловича. Александр благосклонно принял извещение о браке короля, но отказал в адаптации Радзивилл, и брак принца Вильгельма не состоялся. Великий князь с супругой покинули Берлин в январе 1825 г. и только 25 февраля прибыли в Петербург: по дороге они посетили снова в Варшаве цесаревича и его вторую супругу, княгиню Лович.

С апреля по июнь Николаю Павловичу снова пришлось оставаться старшим представителем царской семьи в России: государь уехал в Варшаву на открытие польского сейма. 12 июня 1825 г. родилась третья дочь великого князя – Александра Николаевна. Осенью этого года Николай Павлович совершил в последний раз как великий князь инспекторский смотр войска и укреплений в Бобруйске. На этом смотре, как и на всех предыдущих смотрах и маневрах, он обращал главным образом внимание на фронтную часть, был особенно строг в этом отношении и обнаруживал лично прекрасное знание ружейных приемов.

¹⁸ 30 августа 1822 г. у великого князя родилась вторая дочь – Ольга Николаевна.

¹⁹ Великокняжеская чета совершила на этот раз свой путь морем, выйдя 24 июля на корабле «Эмгейтен» («Amhiten») из Кронштадта и прибыв в Варнемюнде 10 августа.

Так протекала жизнь великого князя Николая Павловича во вторую половину царствования Александра I. Одновременно с этим в царской семье начинала все яснее намечаться вполне определенная группировка. Цесаревич Константин Павлович за это время все более и более отстраняется от непосредственного участия в государственной жизни империи и отходит от общего круга царской семьи. Живя почти постоянно в Польше, он как бы остается в тени. Когда говорят о братьях государя, имеют в виду прежде всего Николая и Михаила: цесаревич Константин идет особняком. Интересно, что уже с 1814 года, со времени первых поездок младших великих князей за границу, там привыкли видеть и слышать о двух братьях императора Александра: старшем – Николае и младшем – Михаиле, а в 1816 году, во время пребывания Николая Павловича в Лондоне, в толпе его прямо уже называли «наследником русского императора». В семейном отношении только брак великого князя Николая Павловича можно было назвать счастливым. Еще с 1806 года, ввиду «особенных обстоятельств, сопровождавших рождение дочери императрицы Елизаветы Алексеевны, великой княжны Елизаветы Александровны»²⁰

²⁰ Шильдер. Император Николай I. Т. I, с. 476, прим. 378.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.